

*Но кто бы мог подумать,
что в этом старике так много крови?*

У. Шекспир. Макбет

Мой дорогой Джеймс!¹

Ты всегда был одним из самых преданных и доброжелательных моих читателей, поэтому я всерьез огорчилась, получив твои критические замечания. Ты жаловался, что мои убийства становятся чересчур рафинированными — иными словами, анемичными. Тебе хотелось бы «настоящего жестокого убийства с большим количеством крови», когда ни у кого не возникало бы сомнения, что это убийство! Эта история написана специально для тебя. Надеюсь, она тебе понравится. Твоя любящая свояченица

Агата

ЧАСТЬ I

22 декабря

1

Стивен поднял воротник пальто и быстро зашагал по платформе. Вокзал был окутан густым туманом. Паровозы громко гудели, выбрасывая клубы пара в сырой холодный воздух. Все вокруг было в грязи и дыму.

«Какая грязная страна, — с отвращением подумал Стивен, — и какой грязный город!»

¹ Джеймс Уотте — муж старшей сестры Агаты Кристи.
(Здесь и далее примеч. перев.)

Первое впечатление о Лондоне с его магазинами, ресторанами, хорошо одетыми, привлекательными женщинами успело потускнеть. Теперь город казался ему сверкающим, но фальшивым бриллиантом, да еще в скверной оправе.

Что, если вернуться в Южную Африку? Стивен ощущал острую тоску по родине. Солнце, голубое небо, сады, полные цветов, живые изгороди, синие вьюнки на стенах каждой лачуги...

А здесь повсюду грязь и суетящиеся толпы людей, которые снуют туда-сюда, словно муравьи вокруг своего муравейника.

«Лучше бы я не приезжал сюда», — подумал Стивен.

Но он тут же вспомнил о цели своего путешествия и плотно сжал губы. Нет, черт возьми, нужно продолжать! Ведь он несколько лет планировал то, что собирался сделать...

Все эти колебания, мучительные вопросы: «Стоит ли ворошить прошлое? Почему бы не забыть обо всем?» — всего лишь проявление слабости. Ведь он уже не мальчик, чтобы действовать под влиянием минутного настроения, а сорокалетний мужчина, целеустремленный и уверенный в себе. Он должен осуществить то, ради чего прибыл в Англию.

Стивен поднялся в вагон и двинулся по коридору, ища свободное место. От носильщика он отказался и сам тащил чемодан из сыромятной кожи, заглядывая в одно купе за другим. Поезд был переполнен. До Рождества оставалось всего

три дня. Стивен Фэрр с отвращением взирал на битком набитые купе.

Всюду люди — и притом все выглядят так бесцветно, так похоже друг на друга! Одни напоминают овец, другие — кроликов, а грузные, пыхтящие старики — свиней. Даже стройные девушки с продолговатыми лицами и алыми губами казались удручающе одинаковыми.

С тоской Стивен подумал о высушенных солнцем просторах вельда...¹

Заглянув в очередное купе, он внезапно затаил дыхание. Эта девушка была совсем другой. Черные волосы, бархатная кожа кремового цвета, глаза, глубокие и темные, как ночь, — печальные, гордые глаза юга... Что она делает среди этих унылых и безликих людей, зачем едет в глубь страны, где все наверняка так же серо и тоскливо? Ей бы следовало стоять на балконе, держа во рту розу, с черным кружевным платком на гордой головке, дышать воздухом, напоенным зноем, пылью и запахом крови — запахом боя быков, — а не сидеть втиснутой в угол купе третьего класса.

Стивен был наблюдательным человеком. От его взгляда не ускользнули поношенные кофта и юбка девушки, дешевые матерчатые перчатки, ветхие туфли и вызывающий огненно-красный

¹ Вельд — южноафриканская степь.

оттенок сумочки. Но, несмотря на это, в ней ощущалось какое-то экзотическое великолепие.

Какого дьявола ей понадобилось в этой стране туманов, сырости и суесящихся муравьев?

«Я должен узнать, кто она и что она здесь делает», — подумал Стивен.

2

Пилар съездившись сидела у окна и размышляла о странных английских запахах. Пока что это было ее самым сильным впечатлением от Англии. Здесь не пахло ни чесноком, ни пылью и даже почти не пахло духами. Воздух в вагоне был холодным и спертым — в нем ощущался типичный для поездов запах серы, мыла и еще какой-то неприятный запах, исходивший, как ей казалось, от мехового воротника сидевшей рядом толстой женщины. Пилар принюхалась, с отвращением ощущая запах нафталина. «Странно, что люди надевают на себя вещи, которые так скверно пахнут», — подумала она.

Раздался гудок паровоза, зычный голос что-то крикнул, и поезд медленно тронулся в путь.

Сердце Пилар забилося быстрее. Правильно ли она поступает? Удастся ли ей выполнить задуманное? Должно удаться — ведь она так тщательно все спланировала, подготовилась к любой неожиданности...

Уголки алых губ Пилар слегка приподнялись. Теперь ее рот казался злым и алчным, как у ре-

бенка или котенка, знающих только собственные желания и еще неспособных на жалость.

Пилар огляделась вокруг с чисто детским любопытством. Семь человек, находившихся в купе, казались вполне обеспеченными, судя по их одежде и обуви. Она слышала, что Англия — очень богатая страна. Вот только выглядели они почему-то совсем не весело.

А вот мужчина, стоящий в коридоре, показался Пилар очень красивым. Ей понравились его загорелое лицо, орлиный нос, широкие плечи. Куда быстрее, чем это удалось бы любой английской девушке, Пилар поняла, что этот человек ею восхищается. Она ни разу не взглянула прямо на него, но точно знала, когда и каким взглядом он на нее смотрит.

Все эти факты Пилар отмечала почти равнодушно. Она прибыла из страны, где мужчины не стесняются разглядывать женщин. Ее лишь интересовало, был ли незнакомец англичанином, и, подумав, она ответила на этот вопрос отрицательно.

«Он слишком живой, слишком реальный для англичанина. С другой стороны, он блондин — возможно, американец». Мужчина казался ей похожим на актеров, которых она видела в фильмах о Диком Западе.

По коридору пробирався проводник.

— Первый ленч! Пожалуйста, займите места для первого ленча!

У всех семи соседей Пилар оказались билеты на первый ленч. Они вышли, и в купе стало пусто и тихо.

Пилар быстро подняла окно, которое успела опустить на пару дюймов воинственная на вид седовласая леди, сидевшая в противоположном углу. После этого она поудобнее расположилась на сиденье и стала разглядывать в окно северные пригороды Лондона, даже не обернувшись при звуке открываемой двери. Это был незнакомец из коридора, и Пилар не сомневалась, что он вошел в купе, чтобы поговорить с ней.

Она продолжала задумчиво смотреть в окно.

— Может быть, хотите открыть окно? — предложил Стивен Фэрр.

— Напротив, — возразила Пилар. — Я только что его закрыла.

Она говорила по-английски безупречно, но с легким акцентом.

«Какой чудесный голос! — подумал Стивен. — Теплый, как летняя ночь...»

«Мне нравится его голос — сильный и уверенный, — думала Пилар. — И вообще он очень привлекательный...»

— Поезд битком набит, — заметил Стивен.

— Да, в самом деле. Очевидно, люди уезжают из Лондона, потому что там так мрачно.

Пилар отнюдь не считала преступлением разговор с незнакомым мужчиной в поезде. Она могла позаботиться о себе не хуже любой другой

девушки, но ее воспитание не налагало каких-либо строгих табу.

Если бы Стивен вырос в Англии, ему было бы не так легко завязать беседу с молодой девушкой. Но он был дружелюбен от природы и считал вполне естественным разговаривать с тем, с кем ему хотелось.

— Лондон — ужасное место, не так ли? — осведомился он с непринужденной улыбкой.

— Да. Мне он совсем не нравится.

— Мне тоже.

— Вы не англичанин? — спросила Пилар.

— Англичанин, но я приехал из Южной Африки.

— Тогда все понятно.

— Вы тоже прибыли из-за границы?

Пилар кивнула:

— Да, из Испании.

— Из Испании, вот как? — переспросил заинтересованный Стивен. — Значит, вы испанка?

— Только наполовину. Моя мать была англичанка. Вот почему я так хорошо говорю по-английски.

— В Испании все еще бушует война?

— Да, это ужасно. Столько разрушений.

— И какую же сторону вы поддерживаете?

Политические убеждения Пилар казались весьма неопределенными. По ее словам, в деревне, откуда она прибыла, никто не обращал особого внимания на войну.

— Понимаете, она была далеко от нас. Мэр, как государственный служащий, конечно, поддерживал правительство, а священник — генерала Франко, но большинство жителей занимались землей и виноградниками — на политику им не хватало времени.

— Вероятно, поблизости от вас не было военных действий?

— Не было. Но когда я ехала через страну на машине, то видела много разрушений. Одна бомба попала в автомобиль, другая уничтожила целый дом. Зрелище было захватывающее!

Стивен Фэрр криво усмехнулся:

— Выходит, вам это показалось увлекательным?

— Не совсем, — ответила Пилар. — Водитель моей машины погиб, а мне нужно было ехать дальше.

— И его смерть вас не огорчила? — спросил Стивен, наблюдая за ней.

Темные глаза Пилар широко открылись.

— Каждый должен умереть, не так ли? Смерть, которая обрушивается с неба — бах! — ничуть не хуже любой другой. Сегодня человек жив, а завтра мертв. Так уж заведено в этом мире.

Стивен Фэрр рассмеялся:

— Вас не назовешь пацифисткой!

— Меня не назовешь... кем? — Пилар казалась озадаченной словом, ранее не входившим в ее лексикон.

— Вы прощаете ваших врагов, сеньорита?

Пилар покачала головой:

— У меня нет врагов. Но если бы были...

— Ну?

Он смотрел на девушку, словно зачарованный притягательной и в то же время жестокой складкой ее рта.

— Если бы кто-то ненавидел меня, а я ненавидела его, — серьезно ответила Пилар, — то я бы перерезала моему врагу горло — вот так! — Она сделала выразительный жест, настолько быстрый и свирепый, что Стивен Фэрр был ошеломлен.

— Вы на редкость кровожадная особа! — заметил он.

— А как бы вы поступили с вашим врагом? — обыденным тоном осведомилась Пилар.

Стивен изумленно уставился на нее и громко расхохотался.

— Право, не знаю!

— Конечно, знаете, — с неодобрением промолвила Пилар.

Стивен перестал смеяться.

— Да. Знаю, — тихо сказал он и спросил, переменяя тему: — Что заставило вас приехать в Англию?

— Я собираюсь погостить у моих английских родственников, — довольно сдержанно ответила Пилар.

— Понятно.

Стивен откинулся на сиденье, размышляя, что собой представляют эти английские родственники и как они отнесутся к незнакомой испанской девушке, пытаясь представить себе ее в

чопорном британском семействе во время Рождества.

— А в Южной Африке очень красиво? — спросила Пилар.

Стивен начал говорить о Южной Африке. Она слушала с напряженным вниманием ребенка, которому рассказывают сказку. Он наслаждался ее наивными и в то же время проницательными вопросами и с удовольствием отвечал, щедро приукрашивая описания.

Возвращение пассажиров положило конец этой беседе. Стивен с улыбкой поднялся и направился в коридор.

У двери он шагнул назад, пропуская пожилую леди, и его взгляд упал на бирку, прикрепленную к явно импортной соломенной дорожной сумке девушки. Стивен с интересом прочитал имя — «мисс Пилар Эстравадос», однако при виде адреса — «Горстон-Холл, Лонгдейл, Эддлсфилд» — его глаза расширились от удивления и какого-то другого чувства.

Полуобернувшись, Стивен снова посмотрел на девушку, но теперь его взгляд был озадаченным и подозрительным. Выйдя в коридор, он закурил сигарету и нахмурился...

3

Сидя в большой голубой с золотом гостиной Горстон-Холла, Элфред Ли и его жена Лидия обсуждали планы на Рождество. Элфред был до-

вольно плотным мужчиной средних лет с приветливым выражением лица и мягкими карими глазами. Говорил он негромко, но четко выговаривая слова. Втянутая в плечи голова, да и весь его облик свидетельствовали о вялости и инертности. Лидия, напротив, была худощавой энергичной женщиной, похожей на борзую. Ее движения отличались грацией и изяществом.

Ее усталое лицо не было красивым, зато голос был очаровательным.

— Отец настаивает! — сказал Элфред. — Значит, ничего не поделаешь.

Лидия с трудом сдержала возглас раздражения.

— Неужели ты должен всегда ему уступать? — спросила она.

— Он уже очень стар, дорогая...

— Знаю!

— И привык все делать по-своему.

— Естественно, раз он поступал так всю жизнь, — сухо промолвила Лидия. — Но рано или поздно, Элфред, тебе придется сопротивляться.

— Что ты имеешь в виду, Лидия?

Элфред уставился на нее с таким явным испугом, что она закусила губу, сомневаясь, стоит ли ей продолжать.

— Что ты имеешь в виду? — повторил Элфред Ли.

Лидия пожала худыми, стройными плечами.